

A.L. Lukiyanova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Minimum wage and minimum wages in Russia⁹

Abstract. The author studies recent changes in the minimum wage policy in Russia. The year 2018 has become a turning point in the history of the minimum wage in Russia. The “bite” of the minimum wage has increased significantly making it binding for a large portion of workers. The legislation remains controversial with regard to the “northern” coefficients increasing the regulatory risks and threatening to undermine the system of minimum wage bargaining at the regional level due to the crowding-out effect. The minimum wage is currently set at a “reasonable” level concerning the national average and median wages. Direct costs of rising the minimum wage are small. However, the effect varies significantly across the regions — about one third of Russian regions will face a sharp increase in the share of workers at or below the minimum wage. The main financial burden of the minimum wage increase will be borne by regional and municipal budgets.

Keywords: *minimum wage, labor market institutions, wage inequality, Russia.*

JEL Classification: J31, J38.

Н.В. Мкртчян

НИУ ВШЭ; ИНСАП РАНХиГС, Москва

Ю.Ф. Флоринская

ИНСАП РАНХиГС; НИУ ВШЭ, Москва

Журнал НЭА,
№1 (37), 2018,
с. 186–193**Трудовая миграция в России:
международный и внутренний аспекты**

Аннотация. В статье совместно рассмотрены процессы внутренней трудовой миграции и международной трудовой миграции в России. Доступные источники статистической информации и обзор исследований позволяют определить их как количественно сопоставимые, но имеющие выраженную региональную специфику. Несмотря на тяготение внутренних и международных мигрантов к крупнейшим городам, российские отходники чаще выезжают на работу в регионы Севера и Востока страны. Ниши занятости внутренних и международных мигрантов во многом совпадают, но при этом международные мигранты чаще дискриминированы в почасовой оплате труда. Мигранты-россияне и иностранцы скорее дополняют друг друга на региональных рынках труда, чем являются конкурентами. Используемые в статье результаты исследований последних лет, проводимых Институтом социального анализа и прогнозирования (ИНСАП) РАНХиГС, позволяют утверждать, что социально-экономические эффекты международной трудовой миграции и внутристрановой трудовой миграции схожи, однако значимость миграции для экономики домохозяйств и местных бюджетов в России недоучитывается.

Ключевые слова: *трудовая миграция, внутренние мигранты, международные мигранты, регионы России.*

Классификация JEL: J61, R23.

Понятие «трудовая миграция» и термин «трудовой (трудоустроенный) мигрант» в научной и общественной дискуссии употребляются обычно применительно к международной миграции¹. Международные трудовые мигранты

в России — граждане других государств, прибывшие в РФ с целью работы.

Однако трудовая миграция в России не исчерпывается трансграничными перемещениями, потоки трудовой миграции вну-

⁹ Support from the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics is gratefully acknowledged.

¹ Согласно Международной конвенции ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г., «трудоустроенный-мигрант — лицо, которое будет заниматься, занимается (или занималось) оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого он (или она) не является» (URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant1.shtml).

три страны вполне сопоставимы по объемам с международными, а вклад внутренних трудовых мигрантов в занятость на многих региональных рынках труда даже более значим. При этом изучению вопросов внутренней трудовой миграции в России уделяется значительно меньшее внимание, а попытки совместного анализа внутренней трудовой миграции и международной трудовой миграции почти единичны. В частности, такая работа была выполнена авторами в 2015 г. (Флоринская и др., 2015), а затем продолжена ИНСАП РАНХиГС в рамках исследования территориальной мобильности в 2016 г. В данной статье мы продолжаем анализировать современную трудовую миграцию в России в ее международном и внутристрановом аспектах.

К внутрироссийским трудовым мигрантам (отходникам) мы относим граждан России, чье место работы находится в другом регионе или другом муниципальном образовании, отличном от места постоянного проживания. Внутренний трудовой мигрант – тот, кто совершает поездки домой, к семье не чаще одного раза в неделю, но при этом не переехал на постоянное место жительства в город или регион, где находится его нынешняя работа. Семья такого работника остается проживать в другом регионе России.

Объемы трудовой миграции

В 1990–2000-е годы оценки внутренней трудовой миграции в России, основывающиеся на немногочисленных выборочных обследованиях, были очень приблизительными. Перепись населения 2010 г. позволила выделить работающих в других регионах страны, их численность составила 2,3 млн человек; с известной долей условности их можно считать межрегиональными трудовыми мигрантами (Антонов, 2016). Публикуемые с 2011 г. данные обследований рабочей силы (ОРС, ранее – ОНПЗ) определяют численность трудовых межрегиональных мигрантов в 1,6–1,7 млн человек. Оценка ОНПЗ консервативна, эксперты (Нефедова, 2015) считают ее заниженной.

Согласно обследованию четырех малых городов, проведенному ИНСАП РАНХиГС в 2015 г., в предшествующие опросу пять лет более 20% домохозяйств имели в своем составе работника – трудового мигранта; на момент проведения обследования 6% общей численности занятого населения исследуемых городов находились на заработках. Распространять эти данные на все население России неправомерно: домохозяйства средних и крупных городов участвуют в трудовой миграции реже (Карачурина, Мкртчян, 2012), среди сельских жителей, напротив, отходничество более распространено.

Численность международных трудовых мигрантов в России была максимальной в 2013–2014 гг., эксперты оценивали ее в 6–7 млн человек ежегодно. Оценки учитывали как данные официальной российской статистики получения разрешительных документов для работы, так и другие источники (миграционный учет, результаты социологических обследований, данные посылающих стран и т.д.), т.е. включали и недокументированных мигрантов (Чудиновских и др., 2013). С 2015 г., вследствие изменения экономических условий в России, а также нововведений миграционного законодательства, значительно увеличивших стоимость выхода международных мигрантов на российский рынок труда, численность иностранных трудовых мигрантов в России сократилась. На сегодня, по нашим оценкам, она составляет примерно 4–5 млн человек одновременно (6–7% от численности занятых в РФ). В 2017 г. численность пребывавших на территории РФ мигрантов, въехавших с целью «работа по найму», колебалась в течение года от 3,6 млн до 4,3 млн человек²; еще около 0,5 млн иностранцев въезжают или уже давно въехали в Россию с другими целями (например, частной), но при этом работают.

Направления и регионы/страны – доноры трудовой миграции

Направления внутренней трудовой миграции во многом совпадают с переселени-

² Здесь и далее (если не указан другой источник) при анализе международной трудовой миграции используются данные Центрального банка данных учета иностранных граждан (ЦБДУИГ) ГУВМ МВД РФ.

ями на постоянное место жительства (ПМЖ), но есть и отличия. Крупнейшим центром притяжения трудовых мигрантов является столичный регион — Москва и Московская область (как и для переезжающих на ПМЖ), но вторым по значению направлением является Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО. Столичный регион собирает трудовых мигрантов с Центрального, Южного, Северо-Кавказского, части Приволжского и Северо-Западного федеральных округов (ФО); из Предуралья и Урала, регионов Юга Западной Сибири чаще ездят на работу на Тюменские Севера (Между домом и... домом, 2016). Санкт-Петербург является скорее локальным центром притяжения трудовых мигрантов, он распространяет свое влияние на ближайшие регионы Северо-Западного ФО. Также притягательными для трудовых мигрантов являются регионы Севера европейской части, Сибири и Дальнего Востока, но масштабы миграции сюда не такие, как в нефтегазовые регионы. Наиболее часто в трудовой миграции участвуют жители регионов Центральной России и Приволжья. Среди населения восточных регионов трудовая миграция не получила распространения: при невозможности найти работу дома здесь предпочитают выезд на ПМЖ в крупные города, чаще — в регионы европейской части страны.

Во многих регионах происходит внутрирегиональная трудовая миграция, почти всегда она направлена в региональную столицу. Эту миграцию нельзя оценить по данным ОРС/ОНПЗ, согласно данным обследования ИНСАП РАНХиГС 2015 г. около 20% трудовых мигрантов из малых городов выезжали на работу в свою региональную столицу.

Распределение международных трудовых мигрантов по территории России во многом повторяет картину внутренней миграции: судя по оформленным в 2016 г. разрешительным документам для работы (разрешениям на работу и патентам), больше всего иностран-

ных мигрантов работало в ЦФО — 46, из них в Москве — 27, а в Московской области — 10%. Таким образом, столичный регион привлек более трети всех документированных международных трудовых мигрантов (а если смотреть в целом по доле вставших на первичный миграционный учет с целью «работа по найму», то на Московский регион пришлось в 2016 г. еще больше — 47% всех иностранцев этой категории в РФ). Вторым по привлекательности остается Северо-Западный ФО, его доля — 15% всех официально работающих иностранцев, практически полностью она обеспечивается Санкт-Петербургом и Ленинградской областью; 10 работают в Приволжском ФО, по 7–8% — в Сибирском, Уральском и Южном ФО. Как видим, иностранцы в меньшей степени, чем внутренние трудовые мигранты, едут в нефтегазовые регионы, но чаще — в крупные агломерации.

Подавляющее большинство международных трудовых мигрантов на сегодня — граждане стран СНГ, их доля непрерывно росла на протяжении последнего десятилетия: в первой половине 2000-х годов доля визовых и безвизовых (из стран СНГ) трудовых мигрантов была примерно равной, в 2007 г. на страны СНГ пришлось уже две трети работавших иностранцев, в 2013 г. — 85, а в 2016 г. — 94%. Основные страны — доноры трудовой миграции в Россию — Узбекистан (33% от всех вставших на первичный миграционный учет с целью «работа по найму» в 2016 г.), Таджикистан (20), Украина (12), Киргизия (9)³, Молдавия (6), Армения (5%). Среди стран дальнего зарубежья наиболее массово представлены на российском рынке труда работники из Китая и КНДР, но их общая численность в 2016 г. — около 73 тыс., что почти в 20 раз меньше численности мигрантов из двух стран — лидеров по этому показателю в СНГ — Узбекистана и Таджикистана — в 2016 г., по данным Росстата, число работавших мигрантов из этих стран достигло 1,3 млн человек.

³ Трудовая миграция из этой страны резко возросла после ее вступления в ЕАЭС в 2015 г. — ее гражданам не требуется оформлять разрешительные документы для работы в РФ.

Ниши и условия занятости трудоустроенных мигрантов

Внутренние трудовые мигранты концентрируются в строительстве, торговле и услугах (женщины), в охране, на транспорте. В восточных регионах страны значительная их доля занята добычей полезных ископаемых, здесь эта отрасль делит первое место со строительством, что видно как из данных ОРС/ОНПЗ, так и обследования ИНСАП в малых городах в 2015 г. В столичном регионе, в Санкт-Петербурге, помимо строительства, преобладает занятость в сфере услуг и охране. Отличия трудовой миграции в крупнейших городах, которые «дают шанс всем», и работа на промыслах, где «в цене люди рабочих профессий... велика доля 40–50-летних мужчин, получивших специальное образование еще в СССР» (Между домом и... домом, 2016), в значительной мере определяют разницу не только в профессионально-квалификационной, но и возрастной структуре работников.

Как показало обследование квалифицированных мигрантов в Москве и Санкт-Петербурге, проведенное ИНСАП РАНХиГС в 2017 г., они не дискриминированы в заработной плате. Различия в заработных платах зависят прежде всего от отрасли экономики и должности опрашиваемого. Зарботки трудовых мигрантов из малых городов немного ниже, чем средняя заработная плата в регионах, где они трудятся, так как наиболее высокооплачиваемые отрасли экономики – государственное управление, финансы и кредит не являются нишей для трудовых мигрантов. В 2015 г. средний заработок трудовых мигрантов составлял 37,2 тыс. руб. и был выше средней заработной платы по России в I квартале 2015 г. (31,6 тыс. руб.). Однако в Москве, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО, где трудилось большинство мигрантов из исследуемых городов, средняя заработная плата составляла соответственно 61, 60 и 72 тыс. руб. Но по сравнению со средней зарплатой в исследуемых городах заработки мигрантов, напротив, отличались в большую сторону – от 1,5 до 2 раз. Наиболее высокие заработки имели те, кто работал вахтовым методом на Севере, обычно заработная плата здесь превышала 50 тыс. руб.

Данные ОРС/ОНПЗ не дают адекватного представления о распространенности ненормированного рабочего дня, работы без выходных, особенностях оформления трудовых договоров работников. Однако сам режим работы трудовых мигрантов завязан на регулярные поездки домой, предполагает интенсивную, сравнительно с многими другими категориями работников, работу в течение 1–2 недель или большего срока, а потом продолжительную отлучку домой.

Ниши занятости международных трудовых мигрантов во многом совпадают с указанными для внутренних мигрантов, но с определенными ограничениями – например, их практически нет среди охранников. В целом, судя по данным за 2014 г. (в последующие годы такая статистика по основной части работающих мигрантов не публикуется), на первом месте было строительство (около трети занятых), на втором – сфера услуг (13%), на третьем – обрабатывающие производства (10%). Проведенное в 2017 г. крупномасштабное исследование трудовых мигрантов (НИУ ВШЭ; 8577 респондентов в 19 регионах) показало снижение занятости мигрантов в строительстве и рост – в сфере услуг.

Оформление трудовых отношений с международными мигрантами определяется их статусом в России: легально трудиться могут те, кто указал при въезде в РФ цель «работа по найму» и работает по разрешению на работу (РНР) (мигранты из визовых стран, а также все высококвалифицированные работники), или приобретает патент (для иностранцев из стран СНГ), или трудится без разрешительных документов в рамках действующих межгосударственных соглашений (мигранты из стран ЕАЭС). Все остальные иностранцы не имеют возможности легализоваться на российском рынке труда. Однако оформленные мигрантом разрешительные документы не всегда приводят к его официальному трудоустройству – необходимо встречное желание работодателя, а оно возникает далеко не всегда: за 2016 г., судя по статистике заключенных договоров, только две трети легальных трудовых мигрантов могли вступить в официальные

отношения с работодателем. Отметим, что, независимо от наличия официального договора с работодателем, безвизовый трудовой мигрант с патентом (таких было 1,5 млн человек в 2016 г.) платит в региональные бюджеты ежемесячную плату за этот патент (авансовый налог). Всего в 2016 г. эта сумма по России составила 45 млрд руб. В этом — отличие международного мигранта с патентом, работающего в неформальной сфере, от российского неформала, который налогов не платит. Что касается дискриминации в заработных платах, то проведенные ИНСАП социологические обследования показывают, что она касается как оформленных, так и неоформленных трудовых мигрантов. Дискриминация проявляется не столько в размере ежемесячной оплаты, которая может быть и одинаковой для россиян и иностранных мигрантов, сколько в почасовой оплате — за ту же заработную плату иностранцы работают больше времени. Кроме того, им не оплачивают сверхурочные, отпуска и больничные (*«они согласны работать без выходных»; «готовы работать сутками», «они неприхотливы, согласны на все»* — из материалов фокус-групп работодателей).

Социально-экономический эффект трудовой миграции

Основную часть заработанного внутри-российские трудовые мигранты тратят дома, в месте проживания их семей. Результаты исследования в малых городах показали, что две трети трудовых мигрантов привозят домой более 75% заработанного. На северной вахте многие из них и не могут много потратить, здесь часто работников обеспечивают питанием, значимым бонусом является низкая стоимость жилья или полное отсутствие платы за него. Лечатся и получают иные социальные услуги трудовые мигранты чаще всего дома, отчасти это — вынужденная мера.

При этом роль трудовой миграции явно недооценивается. Часто в интервью с представителями региональных и местных властей слышится недовольство, что люди, зарабатывая в других регионах и городах, там же и платят налоги — местные бюджеты недо-

считываются налоговых поступлений. Но трудовая миграция — важный не только для домохозяйств, но и для местной экономики и бюджетов канал денежных трансфертов из богатых регионов и муниципальных образований в бедные.

Исследований, позволяющих оценить масштабы этих трансфертов, практически нет. Но, если даже принять консервативную оценку численности внутристрановых трудовых мигрантов в России — 2 млн человек, с учетом заработка в 37 тыс. руб. в месяц, ежемесячный объем межмуниципальных денежных трансфертов составит 55–60 млрд руб., в год — 660–710 млрд руб. По действующему на середину 2015 г. курсу рубля это — более 10 млрд долл. США (на 2017 г. — больше). Этот денежный поток практически равен объему трансфертов из России в страны СНГ — 11,1 млрд долл. США в 2015 г. Если же оценивать численность внутрироссийских трудовых мигрантов в 3–4 млн человек, размер их трансфертов явно превысит размер мигрантских трансфертов в эти страны. Эти деньги тратятся, повторим, в бедных муниципальных образованиях — малых, зачастую депрессивных городах, в сельской глубинке, где, кроме заработков немногочисленных бюджетников, пенсий и пособий, иных живых денег нет.

Международные трудовые мигранты так же, как и внутренние, большую часть заработанных средств тратят на родине — по опросам, от половины до двух третей полученных заработков мигранты посылают домой. В России иностранные работники экономят на всем: основной способ проживания — коллективный — в съемном жилье или общежитиях, вагончиках и т.д. (*«иностранцы вживаются во все: в вагончики, в общаги — с клопами, тараканами, крысами — и они живут!»* — работодатель, Санкт-Петербург); лечиться международные трудовые мигранты также предпочитают на родине — по опросу мигрантов, в Москве в 2013 г. две трети из них не пользовались здесь услугами медицинских учреждений. Даже после 2015 г., когда мигрантов обязали покупать полисы добровольного медицинского страхования (ДМС), стоимость которых варьирует от

1,5 тыс. до 3 тыс. руб. за год, только в крайних случаях они обращаются к врачам в России (причем не по полису, который не работает, а платно). Тем не менее суммарные траты мигрантов в РФ в последние годы выросли — сказались увеличившаяся в несколько раз ежемесячная оплата за патенты, сама стоимость оформления разрешительных документов, уже упомянутая обязательная покупка полиса ДМС. Однако интервью с мигрантами, проведенные в рамках проекта ИНСАП в крупных российских городах в 2016 г., показывают, что даже в условиях кризиса и резкого падения заработков в долларовом эквиваленте они продолжают выкраивать средства для денежных переводов на родину, сам размер посылаемой суммы сильно сократился.

Официальная статистика ЦБ РФ показывает, что в 2016 г. в страны СНГ было переведено 10,1 млрд долл. США, это более чем в два раза ниже показателя докризисного 2013 г. (21,7 млрд долл. США); при этом средняя сумма перевода также существенно сократилась — с 350 долл. США в 2013 г. до 192 долл. в 2016 г. Основные страны — получатели переводов — те же страны-лидеры по численности трудовых мигрантов в Россию: страны Средней Азии и Украина. Назначение переводов, как свидетельствуют авторские интервью с мигрантами и работы других исследователей (Labour Migration, 2015), главным образом — текущее потребление домохозяйств на родине (около 80–90%), строительство жилья, оплата образования и медицинского обслуживания, а также небольшие инвестиции в мелкое производство.

Заключение

Проведенный нами анализ вполне убедительно показывает, что внутренняя трудовая миграция и международная трудовая миграция в России имеют очень много общих черт — схожи объемы, направления и социально-демографические характеристики участников, а также итоговый экономический эффект. И те, и другие мигранты массово представлены на одних и тех же региональных рынках труда, более того, они часто концентрируются в сходных нишах занятости. Логично, что в таких

условиях может возникать определенная конкуренция, причем именно между мигрантами разных категорий, а не мигрантами и местным населением (последнее — скорее миф, чем реальная проблема (Флоринская, 2015)). Стоит обратить внимание и на то, что россияне-мигранты чаще занимают более квалифицированные рабочие места в тех же самых организациях, где работают также иностранцы, и эти два вида потоков не столько конкурируют, сколько дополняют друг друга (Григорьева, Мукомель, 2014), *«разница между внутренними и между внешними мигрантами для меня как раз в том, что внутренние более квалифицированные люди, а внешние мигранты у меня как раз самую черновую работу выполняют»* (работодатель, Москва).

В любом случае мы считаем неоднократно предпринимаемые попытки полностью заменить иностранных мигрантов внутренними на наиболее привлекательных региональных рынках труда бесперспективными и популистскими: в условиях масштабного сокращения трудоспособного населения, которое переживает Россия, это больше походит на перетягивание дырявого одеяла. Полагаем, что увеличить масштабы участия россиян в трудовой миграции не получится: практически все, кто хотел и имеет возможность выехать на работу в другие регионы и поселения, уже сделали это, значительных резервов нет.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонов Е.В.** (2016). Трудовая мобильность населения России по данным Всероссийской переписи 2010 года // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. № 2. С. 54–63.
- Григорьева К.С., Мукомель В.И.** (2014). Мигранты и россияне на рынке труда: условия, режим труда, заработная плата. В сб.: Мукомель В.И. (ред.) *«Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика»*. М.: НП «Центральный Дом адвоката», Московское бюро по правам человека, Academia. С. 82–99.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.** (2012). Потенциал пространственной мобиль-

ности безработных в России // *Социологические исследования*. № 2. С. 40–53.

Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России (2016). Нефедова Т.Г., Аверкиева К.В., Махрова А.Г. (ред.). М.: Новый хронограф.

Нефедова Т.Г. (2015). Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. № 3. С. 41–56.

Флоринская Ю.Ф. (2015). Влияние миграции на рынок труда в Москве: представление москвичей и реальность // *Проблемы прогнозирования*. № 2. С. 135–143.

Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. (2015). Миграция и рынок труда. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Чудиновских О., Денисенко М., Мкртчян Н. (2013). Временные трудовые мигранты в России. [Электронный ресурс] // *Демоскоп Weekly*. № 579–580. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0579/demoscope579.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: январь 2018 г.).

Labour Migration, Remittances, and Human Development in Central Asia (2015). Central Asia Human Development Series. [Электронный ресурс] UNDP. Режим доступа: <http://www.eurasia.undp.org/content/rbec/en/home/library/poverty/central-asia-trade-and-human-development.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: январь 2018 г.).

Поступила в редакцию 22 января 2018 года

REFERENCES

(with English translation or transliteration)

Antonov E.V. (2016). Labor Mobility of the Population in Russia (According to the 2010 Allrussian Census Data). *Moscow Univer-*

sity Bulletin. Series 5. Geography, 2, 54–63 (in Russian).

Between Home and... Home. The Return Spatial Mobility of Population in Russia (2016). Nefedova T.G., Averkieva K.V., Mahrova A.G. (eds). M.: Novyyi hronograf (in Russian).

Chudinovskikh O., Denisenko M., Mkrтчyan N. (2013). Temporary Labor Migrants in Russia. *Demoscope Weekly*, 579–580. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0579/demoscope579.pdf> (accessed: January 2018, in Russian).

Florinskaya Yu.F. (2015). Impact of Migration on the Labor Market in Moscow: The Muscovite Perspective. *Studies on Russian Economic Development*, 2, 135–143 (in Russian).

Florinskaya Yu.F., Mkrтчyan N.V., Maleva T.M., Kirillova M.K. (2015). Migration and the Labor Market. M.: Izdatelskiy dom “Delo” RANEPА (in Russian).

Grigoreva K. S., Mukomel V. I. (2014). Migrants and Russians at the Labor Market: Conditions, Work Mode, Salary. In: Mukomel V.I. (eds) “*Migrants, migrantophobia and migration policy*”. Moscow: NP “Tsentrалnyi Dom advokata”, Moskovskoe byuro po pravam cheloveka, Academia, 82–99 (in Russian).

Karachurina L.B., Mkrтчyan N.V. (2012). Potentialities of the Unemployed’s Spatial Mobility in Russia. *Sociological Studies (Socis)*, 2, 40–53 (in Russian).

Labour Migration, Remittances, and Human Development in Central Asia (2015). Central Asia Human Development Series. UNDP. Available at: <http://www.eurasia.undp.org/content/rbec/en/home/library/poverty/central-asia-trade-and-human-development.html> (accessed: January 2018).

Nefedova T.G. (2015). Migration Activity of Population and Migrant Workers in Modern Russia. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, 3, 41–56 (in Russian).

Received 22.01.2018

N.V. Mkrtchyan

National Research University Higher School of Economics; Institute for Social Analysis and Prediction, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Yu.F. Florinskaya

Institute for Social Analysis and Prediction, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Labor Migration in Russia: International and Internal Aspects

Abstract. The authors examine the processes of internal and international labor migration in Russia. Available sources of statistical information and a survey of studies allow us to define them as quantitatively comparable, but having pronounced regional differences. Despite the gravitation of both internal and international migrants to the largest cities, Russian temporary labor migrants more often go to work in the regions of the North and the East of the country. Russians and foreign migrants complement each other in the regional labor markets rather than compete. The results of the recent research conducted by Institute for Social Analysis and Prediction Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, used in the article, allow us to state that the social and economic effects of international and internal labor migration are similar. At the same time the significance of migration for the economy of households and local budgets in Russia is underestimated.

Keywords: *labor migration, internal migrants, international migrants, regions of Russia.*

JEL Classification: J61, R23.

О.В. Синявская

Институт социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва

С.С. Бирюкова

Институт социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва

Возможные меры снижения неформальной занятости и скрытой оплаты труда¹

Аннотация. Масштабы неформальной занятости и скрытой оплаты труда в России значительны и возросли даже в условиях экономического роста и проведения налоговых реформ на протяжении 2000-х годов. Мировой опыт свидетельствует, что успехов в снижении масштабов неформальной занятости можно достичь только реализуя комплексную политику, охватывающую различные сферы регулирования, сочетающую стимулирующие и санкционные механизмы и включающую более широкие задачи по улучшению институтов, экономическим реформам, а также изменению социальных норм, связанных со снижением приемлемости неформальных отношений. На основе анализа особенностей и причин существования неформальной и теневой занятости в России в статье сформулированы рекомендации по снижению неформальной занятости и скрытой оплаты труда, учитывающие как мировой опыт, так и специфику причин неформальной занятости в России и те усилия, которые уже были предприняты российским правительством.

Ключевые слова: *неформальная занятость, теневая занятость, скрытая оплата труда, налоговое регулирование, экономическое регулирование.*

Классификация JEL: J46, J48.

¹ Работа, отдельные результаты которой представлены в настоящей статье, выполнена в рамках проекта «Содействие совершенствованию системы государственных финансов Российской Федерации», реализованного по заказу Минфина России.